

In the article the basic valued categories of right are examined such as freedom, equality. Their realization is shown in the modern legal system of Russia, the different points of view are considered on the prospect of legal development of the Russian state.

Key words: freedom, equality, formal legal equality, actual equality, norms of privilege, norms of limitation

УДК 342.1

**ОТ ТЕОРИИ ПОБЕДЫ К ПОБЕДЕ ТЕОРИИ: АНАЛИЗ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ХАРАКТЕР БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ В СССР (1921–1941 ГГ.).
К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

*Николай Иннокентьевич Дорохов, канд. ист. наук, профессор
кафедры теории и истории государства и права,
E-mail: arnita@mail.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте,
<http://www.muiv.ru>*

В этой статье представлена система военно-теоретических взглядов на характер будущей войны в СССР (1921–1941), автор раскрывает достоинства и недостатки военной доктрины, военной стратегии и теории советского государства в довоенный период.

Ключевые слова: политика, империалистическое государство, идея, советская работа, политический характер.

В 2015 г. исполняется 70 лет Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Чем дальше мы отдаляемся от того дня, когда мир был избавлен от угрозы порабощения, тем пытливей мы вглядываемся в предвоенные годы Великой войны, хотим полнее и глубже понять истоки и величие Победы над фашизмом. Она является для нас величайшей нравственной категорией, которая сегодня как никогда, в полной мере становится мощным фактором борьбы против возрождения неонацизма, войн и насилия.

Н.И. Дорохов

В данной статье представлена система военно-теоретических взглядов на характер будущей возможной войны в СССР в межвоенные годы (1921–1941 гг.), достоинства и недостатки военной доктрины, военной стратегии и теории советского государства.

Каждое государство осуществляет свое военное строительство, готовит страну и вооруженные силы к решению внешних военно-политических задач, исходя из взглядов на возможный характер будущей войны. Поэтому одной из наиболее важных, коренных проблем советской военной доктрины являлась выработка единых взглядов именно по этому вопросу.

В СССР в решении этой сложной комплексной задачи – определение характера будущей войны – участвовали высшие органы военно-политического руководства страны: Политбюро ЦК ВКП(б); Комиссии обороны при Политбюро ЦК ВКП(б); Совет Труда и Оборона при СНК СССР; Комиссии обороны при СТО; Комитет обороны при СНК СССР (с 1937 г.) и др., равно как и высшие органы военного ведомства: Наркомат по военным и морским делам с 1934 г. – Наркомат обороны; Реввоенсовет СССР; Штаб РККА (с 1935 г. Генеральный штаб); главные и центральные управления Красной Ар-

мии; штабы военных округов; академии, военно-научные учреждения. Большой вклад в разработку различных аспектов будущей войны внесли талантливые представители советской военно-теоретической школы М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников, А.И. Егоров, В.К. Триандафиллов, К.Б. Калиновский, Г.С. Иссерсон, Я.М. Жигур, А.Н. Лапчинский и другие.

Вопрос о характере будущей войны рассматривался с двух сторон: политической и военной (технической). Политическая оценка характера будущей войны включала в себя выводы из анализа: социально-экономической и политической систем противоборствующих государств; характера противоречий между ними и внутри них; способности этих противоречий породить войны, т. е. явиться причиной войны; расстановки политических сил (классов, наций, государств) и возможных ее изменений перед войной и в ходе войны; политических целей войны, которые могут поставить перед собой отдельные противники и коалиции, группировки; социальных последствий войны, а также определения вероятного противника и возможного союзника в будущей войне. Роль этих политических данных была более чем значительна, поскольку, исходя именно из них, рассматривались и определялись возможные варианты будущей войны.

Военно-технические аспекты будущей войны включали в себя: определение состава и численности армий мирного и военного времени; развитие средств вооруженной борьбы; стратегическое развертывание вооруженных сил и планирование первых операций; оценка способов и форм развязывания будущей войны; определение возможных форм и способов вооруженной борьбы; оценка масштаба будущей войны и т. д. Значение этих данных также велико, поскольку они, в конечном итоге, составляли основу будущих военных оперативных планов и первых операций.

Необходимо отметить, что в проблеме характера будущей войны советская военно-теоретическая мысль обратилась сразу же после окончания гражданской войны, с начала 20-х годов. На первом этапе важный вклад в разработку ее основных положений внесли материалы военно-научной конференции на тему: «Война будущего» (1924 г.), документы и материалы I Всесоюзного съезда Военно-научного общества (1926 г.), материалы многочисленных военно-теоретических дискуссий по различным аспектам будущей войны. Большое значение для разработки ее концептуальных положений имели работы М.В. Фрунзе. Однако справедливость требует сказать, что непосредственно к исследованию и определению характера возможной войны военная теория впрямую обратилась только во второй половине 20-х гг.

Анализ архивных документов и материалов свидетельствует, что начало этому процессу было положено специальной директивой начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевского № 20.030 от 26 января 1926 г. В ней впервые была поставлена задача: «В теоретическом плане исследователь один из существеннейших вопросов нашей подготовки к войне – вопрос об определении характера предстоящей нам войны и ее начального периода». При этом в директиве указывалось, что выполнение этой задачи не может быть достигнуто сразу же и в короткий срок, «к оформлению наших взглядов по вопросу о характере будущих войн мы будем подходить постепенно в процессе самой нашей работы по подготовке обороны Союза».

Первым результатом в решении столь важной задачи явился многотомный фундаментальный труд «Будущая война», подготовленный в Штабе РККА авторским коллективом в составе М.Н. Тухачевского (руководитель), Я.М. Жигура, А.Н. Никонова, Я.К. Берзина. Труд вышел в 1928 г. и в основном предназначался для высшего военно-политического руководства страны. Работа была направлена в секретариат Политбюро ЦК ВКП(б), Совет Труда и Обороны, Реввоенсовет СССР, центральные управления РККА, штабы военных округов. Ее основные положения и выводы в течение многих лет, включительно до конца 30-х годов, находились в центре внимания военно-политического руководства страны в совокупности с другими исследованиями,

многочисленными трудами и работами «Будущая война» определяла состояние взглядов на многие вопросы содержания будущей войны.

Советская военно-теоретическая мысль, оценивая характер межгосударственных противоречий, сложившихся в мире к началу 20-х годов, определяла следующие типы возможных войн: а) войны империалистических государств между собой; б) войны между империалистическими государствами и странами или народами, ставшими на путь национально-освободительного движения; в) войны между империалистическими странами и государствами, ставшими на социалистический путь развития (в то время это относилось только к СССР).

Из анализа политики империалистических государств был сделан вывод, что их целями в перечисленных войнах будут являться: новый передел мира в интересах монополий; сокрушение первого в мире социалистического государства; подавление освободительной борьбы трудящихся масс капиталистических государств и народов колониальных и зависимых стран; завоевание мирового господства. По своему характеру это будут несправедливые, грабительские, контрреволюционные войны самых реакционных сил мира.

Стержневым положением советской военной теории о политическом характере будущей войны являлся вывод о том, что, если империалистические державы навяжут войну Советскому государству, она примет характер ожесточенной борьбы между двумя системами – старым, загнивающим, дряхлеющим миром капитализма и утверждающимся, растущим, крепнущим новым строем – социализмом. Эта война с первых же дней примет открыто классовый характер и будет со стороны Советского Союза войной справедливой, освободительной в защиту завоеваний социалистической революции и национального суверенитета.

Предполагалось, что нападение империалистических государств на Советский Союз произойдет в форме новой военной интервенции империалистической коалиции. В то же время допускалось, в особенности в 20-е–начале 30-х годов, что СССР может и самостоятельно, по собственной инициативе выступить на помощь тем социальным силам, которые подрывают капиталистический строй и несут ему окончательное разрушение. В этом случае считалась реальной возможностью для СССР возникновения будущей войны как результат революции в одной на крупных капиталистических стран, так и вследствие мощного революционного движения в какой-либо колониальной или полуколониальной стране [1].

Несомненно, что такой подход к формированию военно-теоретических взглядов диктовался концепцией мировой революции. Заметную роль в этом сыграли и установки VII конгресса Коминтерна, который, как известно, продолжал ориентироваться на стратегию «победы социализма во всем мире», «развития мировой социалистической революции», «Всемирного союза советских социалистических республик» [2].

Мышление в духе мировой социалистической революции оставалось реальным и накануне войны. Так, об умножении (с помощью военной силы) числа советских республик говорилось в речи Л.З. Мехлиса на XVIII съезде ВКП(б) [3]. В некоторых выступлениях политических и военных деятелей доминировали идеи упреждения вероятного противника в развертывании и нанесении по нему превентивного удара для ускорения тем самым мирового революционного процесса. В основе некоторых разрабатываемых документов появлялись доктринального значения установки с ориентацией на наступательную военную политику.

Одним из наиболее принципиальных вопросов в системе взглядов на характер будущей войны в целом в военной доктрине Советского государства являлся вопрос о вероятных противниках и возможных союзниках. В 20-е годы политическое и военное руководство СССР считало, что формирование будущей антисоветской коалиции произойдет по принципу своеобразного «разделения труда», в рамках которого роли между государствами распределяются следующим образом: «... одни возьмут на себя задачу

вдохновителей и банкиров, финансирующих это «предприятие», другие составят военно-экономическую базу для антисоветского вооруженного фронта, третьи – явятся поставщиками живой силы («пушечного мяса») для этого фронта, четвертые – будут играть роль рассадника и распространителя враждебной нам политической пропаганды, пятые – будут выполнять функции в области экономической блокады СССР, шестые – ограничатся ролью «наблюдателей» и будут сохранять благожелательный для врагов СССР «нейтралитет». Допускалось, что «... могут быть и такие государства, которые совершенно будут не заинтересованы в борьбе против нас и, наконец, могут быть (теоретически) государства и страны (например, страны освобождающегося Востока), которые займут благожелательную позицию по отношению к нам, а не по отношению к нашим врагам, или даже явятся нашими союзниками, поддерживающими нас, прежде всего, политически, в исключительных же случаях – и вооруженной силой». События последующих лет убедительно показали, что такая оценка в отношении распределения функций государств в империалистических коалициях полностью подтвердилась.

Большие надежды в советских военно-теоретических трудах того времени возлагались на помощь международного пролетариата. Как в них, так и в партийных документах и материалах военного ведомства подчеркивалось, что будущая война в еще большей степени, чем все предыдущие, вскроет внутренние противоречия участвующих в ней государств и явится серьезным испытанием прочности их социально-экономической и политической систем. Пролетариат капиталистических стран не желает мириться с реакционной политикой своих правительств, развязавших войну против первого в мире государства их братьев по классу, и поставит вопрос о смене существующего строя. Считалось, что совпадение целей войны, навязанной Советскому государству, с задачами мировой пролетарской революции обеспечит поддержку борьбы Красной Армии пролетариатом и трудящимися массами капиталистических стран. Борьба Красной Армии будет сочетаться с восстаниями, гражданскими войнами рабочих и трудящихся в тылу противника [4].

В то же время подчеркивалось насколько чрезмерным преувеличением было бы рассчитывать, что разложение тыла капиталистических государств, участвующих в войне против СССР, сразу же примет серьезные размеры и помощь со стороны пролетариата страны-противника достигнет действенных масштабов. «... Без серьезных усилий и побед Красной Армии, – предупреждали авторы труда «Будущая война», – разложение наших противников не может принять размеров, достаточных для того, чтобы война империалистов против СССР превратилась в гражданскую войну, в революцию». Однако этот справедливый теоретический вывод в будущем, на практике не был учтен руководителями Советского государства. Советское политическое руководство по-прежнему ошибочно полагало, что в будущей войне пролетариат и беднейшие слои крестьянства капиталистических государств сразу выступят чуть ли ни единственным и наиболее реальным союзником Красной армии. События советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) показали полную несостоятельность данных предположений.

Международная расстановка политических сил определялась советской военной теорией с учетом типа государств, характера их отношений с Советским Союзом, роли в будущем антисоветском выступлении и места в империалистических коалициях. Исходя из этого, все основные страны мира распределялись по четырем группам:

- первая: государства, явно враждебные по отношению к СССР (в 20-е годы – это Англия, Франция, Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва: сюда же относили и Италию, которая «из соображений общей политики готова поддержать антисоветские планы Англии»);

- вторая: государства, которые могут примкнуть к антисоветскому фронту – Германия, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Югославия, Греция, Бельгия. Япония и США;

- третья: государства, не заинтересованные в войне с Советским Союзом по географическим, экономическим и политическим причинам. Это Швеция. Норвегия Да-

ния, Швейцария, Австрия, Албания, Персия и страны Латинской Америки;

- четвертая: страны дружественные по отношению к СССР, – Турция, Афганистан. Китай (потенциально), страны Арабского Востока и Африки, Индонезия, Британская Индия и Монголия.

Наиболее вероятными противниками СССР, в особенности на первоначальных этапах войны, назывались Польша, Румыния, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония. Главным противником считалась Польша, которая могла получить всю необходимую военную помощь от развитых стран Европы, прежде всего, от Англии и Франции. Такие выводы и оценки в отношении состава лагеря вероятных противников Советского Союза в будущей войне нашли в те годы отражение в большинстве руководящих партийных документов правящей в стране РКП (б), материалах Совета Труда и Оборона, планах Штаба РККА.

В то же время военные теоретики высказали более точные предположения в отношении государства, наиболее в будущем опасного для СССР. Речь идет о Германии. «Что касается Германии, – уточняют свои выводы авторы «Будущей войны», – то она остается на прежней позиции – лавирования между Западом и Востоком, кладя в основу своей политики укрепление собственного международного положения и постепенное осуществление своих замыслов, замыслов возрождающегося германского империализма... Такая позиция Германии в потенции создает перспективу осуществления европейского антисоветского блока. При этом надо подчеркнуть, что в силу нынешней ситуации в Европе, Германия явится важным (если не важнейшим) звеном в цепи предполагаемого блока. Вообще говоря, без ее участия империалистическая интервенция в СССР немыслима... Поэтому правильно будет сигнализировать непосредственную угрозу войны именно в тот момент, когда к антисоветскому блоку примкнет Германия». (подч. в тексте – Н.Д.)

Важно отметить, что такая оценка Германии как возможного противника СССР в будущей войне, была дана в те годы, когда в наших официальных документах военно-политические отношения СССР с нею характеризовались не иначе как «дружественные», а между странами сложились и развивались крепкие военно-технические, экономические, научные, опытно-конструкторские связи.

Однако и этот прогноз, неоднократно затем подтвержденный во многих других теоретических исследованиях, о возможном и наиболее вероятном противнике СССР в будущей войне – Германии, так и не был воспринят и реализован советским военно-политическим руководством. Более того, подписание советско-германского договора о ненападении (1939 г.) и секретного протокола к нему, последующая за тем серия «дружественных» военно-политических соглашений между двумя странами, не только способствовали дезориентации советского народа и его вооруженных сил относительно возможности войны с Германией, но и игнорировали выводы, рекомендации военных теоретиков, высказанные еще в конце 20-х годов.

Исходя из анализа военно-политической обстановки, расстановки основных политических сил, советская военная теория делала вывод о возможности трех вариантов нападения на СССР коалиции империалистических государств:

1 Нападение западных соседей при материально-технической поддержке Англии, Франции и их союзников. Главной ударной силой в этом случае выступили бы Польша и Франция.

2 Нападение западных сопредельных стран при частичной поддержке ее стороны вооруженных сил Англии, Франции и других крупных империалистических государств.

3 Нападение на западные, южные и восточные границы СССР вооруженных сил широкого империалистического блока: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Англии (через территорию Турции, Персии и Афганистана), реакционных китайских милитаристов и Японии.

Поскольку считалось, что главная опасность для СССР исходит со стороны западных соседей, а наиболее вероятным представлялся первый вариант нападения империалистических государств на Советский Союз, требовалось готовить вооруженные силы, производить все основные оперативно-стратегические расчеты применительно к обстановке на западной границе, на западном театре войны. Именно под этим углом зрения с конца 20-х годов осуществлялись нарезка границ ТВД, расчеты емкости стратегических и оперативных направлений, прикидка примерного состава объединений, ширины полос наступления (обороны), глубины ряда последовательных операций, продолжительности кампаний, этапов, периодов и войны в целом и многих других оперативно-стратегических величин.

В 30-е годы в развитии военно-политической обстановки произошли значительные изменения. Они выразились, прежде всего, в том, что на международной арене образовался новый очаг военной опасности – блок фашистских государств. С его созданием самым острым стало противоречие между группой фашистских государств-агрессоров, стремившихся к новому переделу мира и завоеванию мирового господства, и остальными странами мира, включая Советский Союз. Военная доктрина Советского государства, определяя новую расстановку политических сил, разделила основные государства мира на новые четыре группы: 1) СССР – первое в мире социалистическое государство; 2) фашистские государства-агрессоры (Германия, Италия, Япония); 3) страны, стоящие перед непосредственной угрозой нападения на них со стороны фашистских агрессоров и утраты своей государственной и национальной независимости (Бельгия, Чехословакия, Австрия и т. д.); 4) другие капиталистические государства (Франция, Англия, США и т. д.), опасавшиеся нового передела мира и заинтересованные в силу этих обстоятельств в сохранении для себя мирных условий жизни.

Анализируя состояние взаимоотношений между основными группами капиталистических стран, XVII съезд ВКП(б) подчеркивал, что они до крайности обострены, «создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну, как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств» [5]. В этих условиях, по мнению руководителей советской страны, действия агрессивных государств могли быть разными. Одним из возможных вариантов становилась война против СССР с целью разбить его и поделить захваченную территорию [6].

Эти исходные политические характеристики стали основой для ряда важнейших документов Реввоенсовета СССР (до 1934 г.), НКО СССР, Генерального штаба, Главного Военного Совета при НКО СССР (с 1938 г.), в которых были уточнены, достаточно глубоко и четко определены основные положения, раскрывающие политическое и военно-стратегическое содержание будущей войны. К числу таких документов следует отнести «Большой исследовательский труд по военно-политической обстановке в Европе и Азии» (1934 г.), подготовленный в управлениях Штаба РККА; материалы итоговых совещаний в НКО СССР за 1935, 1936, 1938 гг.; военно-теоретические записки: «Вопросы обороны Советского Дальнего Востока» (1937 г.), разработанные в Генеральном штабе РККА; материалы и отчеты о Первой и Второй военно-стратегических играх Генерального штаба РККА (1936, 1937 гг.) с замечаниями военно-политического руководства страны; материалы заседания Главного Военного Совета при НКО СССР по итогам подготовки РККА за 1938 г. и задачами на 1939 г., и другие [7].

Исходя из непримиримых политических противоречий социализма и капитализма, острых разногласий между основными империалистическими державами, резкого увеличения экономической мощи ведущих стран мира, военная доктрина Советского государства определяла характер будущей войны как мировой. Допускаем, что на определенном этапе она может начаться нападением на СССР коалиции империалистических стран. С этого момента она станет борьбой не на жизнь, а на смерть, вплоть до полного разгрома империалистических сил, развязавших мировую войну.

«Возможный коалиционный характер агрессии против СССР обуславливал необходимость подготовки к будущей борьбе на два фронта: на западе – против фашистской Германии и ее сателлитов, на востоке – против Японии. При прогнозировании позиции Японии допускалось, что она может: во-первых, осуществить агрессию против СССР несколько позже Германии; во-вторых, выступить на стороне Германии одновременно с ней. Ненадежным было и южное направление – со стороны Турции. Основным все же считалось, как и в 20-е годы, западное направление, так как здесь находилась наиболее сильная вражеская группировка. К тому же в качестве вероятного противника на Западе по-прежнему рассматривались Польша, Румыния, Финляндия и другие сопредельные государства. Поэтому на западном театре войны сосредотачивались основные силы советских войск.

В условиях новой военно-политической обстановки «вопросам всех вопросов» для Советского Союза стал выбор политической линии по отношению к ведущим капиталистическим государствам и определение на этой основе вероятного союзника (или хотя бы партнера) в возможной войне.

Следует отметить, что в военно-доктринальных установках при решении столь важной проблемы произошла, в особенности после 1933 г., определенная трансформация, вызвавшаяся, во-первых, в отходе от восприятия и интерпретации «капиталистического окружения» как некоего враждебного монолитного союза империалистических государств, имеющего цель стереть с лица земли СССР; в выдвижении лозунга о возможности сотрудничества капиталистических государств с Советским Союзом в борьбе за мир, за предотвращение войны, а также обосновании идеи и выработке плана создания системы коллективной безопасности в Европе.

Во-вторых, это выразилось в относительной замене внешнеполитических ориентиров Советского государства. Думается, что идея «мировой революции» к середине 30-х годов в определенной мере потеряла свою актуальность, а политико-стратегическая ориентация СССР на ее проведение в значительной степени «утихла». На первый план выдвинулось и практически становилось доминирующим стремление обеспечить мирные условия развития страны. Эти перемены не могли не сказаться на изменениях в военно-доктринальных взглядах. В эти годы советское военно-политическое руководство допускало возможность военных союзов с капиталистическими странами и участия вместе с ними в совместной борьбе за обеспечение коллективной безопасности, а в случае необходимости – даже в совместных военных действиях против агрессоров. Так, в 1935 г. было достигнуто соглашение между СССР и Чехословакией при участии Франции, направленное на организацию коллективного отпора фашистской агрессии.

Во второй половине 30-х годов возможными союзниками в войне против Германии советское руководство считало Англию, Францию, США и союзные им страны, поскольку империалистические интересы (а в дальнейшем и само существование) этой группировки находились под угрозой со стороны фашистского Милитаристского блока. Здесь объективно их интересы совпадали с интересами СССР и создавали платформу для совместной коалиции против Германии и Японии. Однако до Великой Отечественной войны такую коалицию создать не удалось. Причины этого следует искать как в политике правящих кругов западных держав, их глубокой враждебности к социалистическому государству, так и действиях СССР и руководства Коминтерна, выразившиеся в заигрывании с Германией, поддержке и оказании военной помощи испанским и китайским коммунистам, так и в проведении политики солидарности со всеми революционными и прогрессивными силами стран капитала, выступавшими против своих правительств. Затрудняли создание такого союза и сталинские репрессии, отшатнувшие от СССР мировую общественность и породившие в правящих кругах Запада уверенность в нашей слабости как военного союзника.

Реализация теоретического положения о возможности совместных действий с буржуазными странами против агрессора относится лишь ко второму периоду второй мировой войны, когда ряд стран во главе с США и Англией были вынуждены пойти на заключение договора с Советским Союзом о военном сотрудничестве и создании антигитлеровской коалиции. Ее оформление явилось свидетельством правильности оценки советской военной доктриной общих тенденций развития военно-политической обстановки в мире.

Более продуктивно, чем на Западе складывались отношения Советского Союза с Китаем. Договор о ненападении, заключенный между двумя странами в августе 1937 г., явился основой для оказания советским государством широкой военной помощи китайскому народу, борющемуся против японских захватчиков.

В расстановке политических сил советская военная доктрина продолжала учитывать революционные возможности прогрессивных сил, интернациональные чувства рабочих капиталистических стран. Считалось, что рабочий класс стран капитала в случае войны будет обязательно поддерживать СССР. В Полевом уставе РККА (ПУ-39) отмечалось: «Великая мощь и несокрушимая сила Рабоче-Крестьянской Красной Армии заключается... в сочувствии и поддержке, которые она встретит среди трудящихся масс напавших стран и всего мира» [8]. Это доктринальное положение абсолютизировалось, так как недооценивались возможности идеологической обработки трудящихся капиталистических стран со стороны их правящих классов. Расчеты на солидарность и поддержку трудящихся Германии и ее союзников практически полностью рухнули. К тому же подобные установки дезориентировали солдатскую массу, ослабляли готовность к жестокой, бескомпромиссной борьбе с врагом.

Военная доктрина исходила из того, что в случае агрессии против СССР возникнет война между двумя социальными системами. В ней будут ставиться самые решительные политические и стратегические цели, исключающие всякую возможность достижения каких-либо компромиссов, и победа будет за СССР. В основе этого положения лежал сделанный XVII съездом партии вывод о том, что Советский Союз в борьбе с любым агрессором способен выдержать упорную и длительную войну, которая закончится полным разгромом врага [9]. Эта доктринальная установка была закреплена в ряде руководящих документов РККА тех лет. В частности, во Временном Полевом Уставе РККА было записано: «Достижение решительной победы и полное сокрушение врага являются основной целью в навязанной Советскому Союзу войне» [8].

Военная доктрина прогнозировала не только исход войны, но и ее социальные последствия. Предполагалось, что «война поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистической войны», приведет «к революции в ряде стран Европы и Азии, к разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран» [10].

Рассмотренные теоретические взгляды в оценке политического характера будущей войны составили основу для определения ее военно-технического содержания. В общем концептуальном плане основные положения теоретической мысли о военно-техническом характере будущей войны сводились к следующему.

В будущей войне примут участие миллионные армии, крупные войсковые массы, оснащенные огромным количеством новой боевой техники: танками, самолетами, артиллерией. Массовое применение этих средств придаст боевым действиям небывалую стремительность, огромный размах, большую глубину и высокоманевренный характер, вследствие чего вооруженная борьба развернется на огромных театрах военных действий. Война будет длительной. Победа в ней не может быть достигнута одним «молниеносным ударом», для ее достижения потребуются полное и всестороннее напряжение всех сил, широкое применение различных способов и форм вооруженной борьбы. Основным видом стратегических действий станет стратегическое наступление. Содержанием войны станут кампании, этапы, периоды.

Значительный вклад в формирование и разработку военно-технических аспектов военной доктрины внесли В.К. Триандафиллов, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников, А.И. Егоров, А.Н. Лапчинский, С.М. Белицкий и ряд других известных военных деятелей и теоретиков.

Одной из самых сложных и важных проблем в общей системе взглядов на характер будущей войны являлась проблема ее начального периода, под которым понимался промежуток времени от начала военных действий до вступления в войну главных сил противоборствующих сторон.

Важнейшими теоретическими вопросами проблемы начального периода войны являлись: определение сущности начального периода войны; содержание и характер действий вероятного противника перед войной и в ходе начального периода; возможный способ развязывания агрессором будущей войны против СССР; содержание и характер действий Красной Армии перед войной и в ходе начального периода; механизм вооруженной борьбы советских войск по отражению нападения противника и установление возможной продолжительности начального периода войны.

Сущностью начального периода, по мнению руководства НКО, военных теоретиков, явится борьба за то, чтобы опередить своего противника в развертывании главных сил, захватить стратегическую инициативу и добиться важных стратегических преимуществ в ведении войны. На протяжении всего межвоенного времени оценка сущности начального периода оставалась неизменной, зато взгляды на его содержание постоянно уточнялись и совершенствовались.

В 20-е годы военная теория Советского государства и взгляды противника (Польша, Румыния, прибалтийские государства) в основном идентично отражали объективные процессы начального периода будущей войны, его сущность и содержание. Считалось, что главным в содержании начального периода станут мероприятия по мобилизации главных сил и их стратегическому развертыванию, что обеспечивалось бы, боевыми действиями ограниченных сил армий прикрытия (войск приграничных округов). В основу всей теоретической концепции был положен следующий вариант развития событий: противники начинают мобилизацию и сосредоточение главных сил с момента объявления (начала) войны и заканчивают их сравнительно одновременно, не получая по отношению друг к другу решающих преимуществ.

Основные положения теории начального периода войны были закреплены в официальных руководствах и наставлениях: «Высшее командование. Официальное руководство для командующих и полевых управлений армий и фронтов» (1924 г.); «Наставление по технике разработки оперативной части плана войны» (1926 г.); «Положение о подготовительном к войне периоде» (1929 г.) и др. В основном они правильно ориентировали военные кадры, всю практику военного строительства на подготовку войск и в целом вооруженных сил к войне, нацеливали военных теоретиков на дальнейшую разработку проблем начального периода.

В 30-е годы в этой области военной теории произошли коренные изменения. Во взглядах противника (Германия, Италия, Япония, Венгрия, Польша, Румыния, прибалтийские государства) проявились новые тенденции в подготовке и ведении начальных операций, важнейшими из которых были: заблаговременное создание сильных армий прикрытия, включавших мотомеханизированные войска и значительные силы авиации, способные выполнить функции армий вторжения; формирование в предвоенный период мощного мобилизационного аппарата и проведение частичной мобилизации вооруженных сил; создание до начала войны элементов второго стратегического эшелона; ведение широкомасштабных наступательных операций с первых минут войны и перенесение центра тяжести военных действий со своей территории на территорию Советского государства (или другого возможного противника) с задачей уничтожения частей прикрытия, срыва мобилизации, сосредоточения и развертывания войск.

Учитывая новые явления в военной теории ведущих государств, а также широкие

материально-технические возможности и условия технической реконструкции и развития Советских Вооруженных Сил, военная теория советского государства нацеливала на заблаговременное создание армий прикрытия, способных перенести борьбу на чужую территорию; формирование основ второго стратегического эшелона и проведение еще до начала войны ряда мобилизационных мероприятий. Содержание начального периода войны, по мнению советских военных теоретиков, должно было включить в себя отражение ударов армии вторжения противника, перенос боевых действий на территорию врага, при одновременном проведении мобилизации и вводе в сражение главных сил.

Основная особенность исследований начального периода будущей войны на этом этапе заключалась в реализации и проверке теоретических положений в ходе учебно-боевой и оперативной практики войск и штабов. Первые учения, во время которых была сделана попытка решения задач начального периода войны, в том числе приграничного сражения, были проведены в 1931–1932 гг.

Наиболее плодотворным в разработке проблем начального периода войны явился период конца 1936–начала 1937 годов. К этому времени в вооруженных силах сложилась целая система проведения учений, маневров, оперативных и оперативно-стратегических игр и других форм учебно-боевой и оперативной практики войск и штабов. Всего в период с 1931 по 1941 гг. было проведено 48 учений сухопутных войск, военно-воздушных сил, операций флота (все в тридцатые годы), 11 маневров войск (все в тридцатые годы), 116 оперативных игр (111 из них в тридцатые годы), 45 полевых поездок и рекогносцировок (35 в тридцатые годы), 12 оперативных сборов начкомсостава (все в тридцатые годы), 4 военно-стратегические игры (2 в тридцатые годы), 12 тыловых учений и игр (все в тридцатые годы), 2 заочные оперативные задачи (обе в тридцатые годы). Всего было проведено более 250 мероприятий различных форм и видов учебно-боевой и оперативной практики РККА и флота по тематике начального периода войны, из них 233 в тридцатые годы [11]. В ходе них получили проверку, закрепление и подтверждение основные положения теории начального периода войны.

В целом взгляды, сложившиеся в нашей военной теории в тридцатые годы, в основном правильно отражали объективные процессы содержания начального периода войны. Наибольший вклад в их разработку внесли Я.Я. Алкснис, Л.С. Амирагов, А.И. Егоров, Я.М. Жигур, С.Н. Красильников, С.А. Меженинов, В.А. Меликов, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, Е.А. Шиловский, Р.П. Эйдеман, И.Э. Якир.

В основу общей концепции начального периода будущей войны были положены следующие варианты: 1) каждый из участников войны, стремясь упредить своего противника, начинает мобилизацию и сосредоточение главных сил заблаговременно до начала войны и заканчивает их в ходе начавшихся военных действий, не получая заметных преимуществ; 2) один из противников начинает войну, частично упредив другого в развёртывании главных сил, в связи с этим получает возможность захватить оперативно-стратегическую инициативу и начать операции объединений главных сил в то время, когда второй, используя оборонительные действия ограниченных войск армии прикрытия, продолжает мобилизацию и сосредоточение главных сил. При этом по второму варианту допускалось и учитывалось упреждение в развёртывании войск и открытии военных действий как со стороны РККА, так и со стороны армий вероятного противника.

Военные теоретики в целом верно ориентировали военные кадры, направляли практику военного строительства на подготовку вооруженных сил к войне, определяли основные рекомендации и конкретные меры по подготовке к отражению нападения врага. Основные положения теории начального периода войны были закреплены в целом ряде оперативных наставлений, инструкций, не имевших аналогов в армиях капиталистических государств, в том числе: в проекте «Наставления по вождению высших соединений РККА»; проекте «Наставления по ведению операций» (1935 г.); проекте «Наставления по операции вторжения» (1934 г.) и др. Однако массовые репрессии 1937–1938 гг. нанесли невосполнимый урон советским вооруженным силам. Была истреблена плеяда

военных теоретиков и практиков, стоявших у истоков передовой теории, ее творцов. Вследствие этого многие положения теории начального периода войны были объявлены «вредительскими» и практически вычеркнуты из практики подготовки войск.

Развитие взглядов на начальный период войны в последние предвоенные годы (1939–1941 гг.) осуществлялось под непосредственным влиянием опыта начавшейся Второй мировой войны. Войны фашистской Германии свидетельствовали о том, что агрессор до начала вторжения завершал сосредоточение и развертывание своих главных сил. Таким образом, он получал возможность с начала военных действий развертывать крупные (стратегические) наступательные операции с решительными целями. Начальный период войн фашистской Германии представлял собой уже период ведения крупных наступательных операций заранее созданными и скрытно развернутыми мощными группировками вооруженных сил, с нанесением максимально мощного удара, чтобы разгромить войска первого стратегического эшелона противника, сорвать развертывание его главных сил и тем самым создать возможность для достижения решающего успеха в войне.

В этих условиях в работах ведущих военных теоретиков, прежде всего, исследованиях Г.С. Иссерсона, С.Н. Красильникова, Н.Е. Варфоломеева и других, была объективно и верно оценена теория и практика начального периода войн фашистской Германии. Отмечались принципиально новые черты в его содержании, в ведении начальных операций, формировались конкретные выводы и определялись практические рекомендации по строительству вооруженных сил, подготовке Красной Армии и страны в целом к отражению агрессии.

Так, глубокие теоретические обобщения опыта германо-польской войны были даны в книге Г.С. Иссерсона «Новые формы борьбы. Опыт исследования современных войн». Важнейшие из них касались: а) внезапного характера развязывания современных войн; б) стремления агрессора начать войну полностью развернутыми главными силами; в) решительных целей первых операций, в ходе которых агрессор стремился нанести поражение противнику, сорвать его мобилизацию и в основном достичь целей войны. Г.С. Иссерсон сделал вывод, что в современных условиях «... от угрозы до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнения, подготавливает ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо, решившаяся на наступление, продолжает сосредоточение, пока, наконец, на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном масштабе» [12]. Поистине пророческим явился прогноз военного теоретика.

К сожалению, эти и другие выводы и обобщения передовой военно-теоретической мысли не стали в полной мере официальными взглядами, не были учтены в практике военного строительства и подготовке вооруженных сил к войне. На декабрьском (1940 г.) совещании руководящего состава РККА вопрос о начальном периоде будущей войны, хотя того требовала сама обстановка времени и начавшейся второй мировой войны, даже не был поставлен. В основе официальных взглядов лежала в принципе прежняя схема начала войны. В то время, когда для СССР назревал самый тяжелый вариант начального периода будущей войны, когда Германия готовилась осуществить нападение заранее отмобилизованными, сосредоточенными и развернутыми главными силами, мы собирались проводить необходимые мероприятия или в начальном периоде войны, или в так называемый «особо угрожаемый военный период», который мог наступить непосредственно перед началом военных действий. К тому же из практической стороны исследований исчезла многовариантность в оценке развертывания хода и исхода начального периода будущей войны, как это было наиболее характерно для середины тридцатых годов. Крупные войсковые учения и маневры не проводились. Отработка вопросов начального периода организовывалась в основном в ходе оперативной подготовки командного состава.

Новые явления в содержании начального периода современных войн были недостаточно полно учтены при разработке конкретных оперативных планов. К тому же, считалось безусловным, что с первых дней войны центр тяжести военных действий перенесется со своей территории на территорию противника и, самое главное, легитимность власти перестала учитывать возможность того, что противник может упредить нас в сосредоточении и развертывании своих войск и начать войну, заранее отоблизованными главными силами.

Таким образом, советская военно-теоретическая мысль в целом правильно оценивала социально-политический характер будущей войны. Были верно, и определенно прогнозированы ее военно-стратегические признаки. Однако Кремль не воспринял то верное, передовое, что предлагали известные военные теоретики на основе глубокого, серьезного анализа ситуации в мире. В результате за диктаторские ошибки, ставшие доктринальными, тяжело расплачивалась наша армия и вся страна.

Чем дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны, тем величественнее видится нам сегодня великий подвиг, совершенный народами СССР и его армией в те грозные и трагические годы. Великая Победа, достигнутая на фронтах и в тылу Великой Отечественной войны, состоит из множества составляющих. Одним из важных факторов Победы, несомненно, явилось превосходство военной науки, военной стратегии, теории побеждать.

Литература

1. Фрунзе М.В. Собр. соч. М., 1929. Т. 1. С. 395; Т. 3. С. 218.
2. Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: сб. документов. М., 1975. С. 358, 380, 202.
3. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии 12 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 273.
4. Война и военное дело. М.: Воениздат, 1933. С. 27; Материалы Комиссии обороны при политбюро ЦК РКП(б) «О подготовке партизанских и подрывных действий в тылу противника на случай войны» (1925 г.) // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 8418. Оп. 16. Д. 1. Л. 358–389.
5. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 26 янв.–10 февр. 1934 г. / Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 11.
6. Сталин И. Сочинения. М.: Политиздат, 1951.
7. Полевой Устав РККА (ПУ-39). М.: Государственное издательство НКО СССР, 1939. С. 9–10.
8. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (Г) / Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 12, 14, 235.
9. Временный Полевой Устав РККА. 1936. М.: НКО СССР, 1936. С. 9.
10. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (5) / Стенографический отчет. М., 1934. С. 11–12.
11. Военная история: вопросы и ответы / под ред. Н.И. Дорохова. М., 1992. С. 129.
12. Митин А.В. История государства Российского: истоки, процессы, проблемы (к 1150-летию образования): монография. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2014. С. 307.

From the theory of victory to victory of theory: analysis of military-theoretical looks to character of future war in the USSR (1921–1924). To The Seventieth Anniversary of Great Victory

Nikolay Innokentievich Dorohov, candidate of historical sciences, professor, professor of department of theory and history of the state and right of Moscow Witte University

In this article the system of military-theoretical looks is presented to character of a future possible war in the USSR in inter-soldiery years (1921–1941), dignities and lacks of military doctrine, military strategy and theory of the soviet state. Therefore, one of the most essential native problems of soviet military doctrine was making a general look of this question.

Key words: policy, imperialistic state, idea, soviet work, political character.